

Стреке Янина Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
y.streke@yandex.ru

Перцептивные характеристики слабых форм слов в общественно-политическом дискурсе

Аннотация

Цель исследования состояла в выявлении особенностей восприятия слабых форм русских слов в условиях десемантизации и в сопоставлении с результатами ранее проведённого акустического анализа, а именно – в выяснении того, как реагируют на ту или иную естественную модификацию носители русского языка в условиях ограниченного контекста. Материалом для исследования послужило 66 сегментов-стимулов (28 у мужчин и 38 у женщин), вырезанных из речи шести дикторов (трёх женщин и трёх мужчин) средне-старшего возраста. Основанием для отбора стимула послужило наличие естественных фонетических модификаций (одной или нескольких). Стимулы предъявлялись двум группам аудиторов (преподавателям и студентам), состоявшим в основном из женщин. Полученные реакции подверглись классификации и количественному анализу. В результате выявлено, что, во-первых, при восприятии стяжения каноническое количество слогов не было опознано для 100% стимулов из речи мужчин и для 69,4% стимулов из речи женщин. Результаты по восприятию стимулов с выпадением в целом коррелируют с результатами по восприятию стяжения. Во-вторых, при восприятии замен согласных, образовавшихся вследствие ассимилятивных процессов, канонический согласный был восстановлен аудиторами лишь для 24,6–31,4% стимулов. В третьих, канонический гласный был восстановлен только в 25,7% стимулов, содержащих неканоническую качественную редукцию. Полученные результаты показали, насколько значительно фонетические формы служебных и знаменательных русских слов могут меняться в потоке речи по сравнению с их каноническим слоговым и фонемным составом.

Ключевые слова: гласная, согласная, естественная модификация, восприятие, стяжение, фонемная замена, выпадение

© Стреке Я. В. 2025

Для цитирования: Стреке Я. В. Перцептивные характеристики слабых форм слов в общественно-политическом дискурсе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 127–136. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-127>

Yanina V. Streke
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
y.streke@yandex.ru

Perceptual features of weak forms of words in sociopolitical discourse

Abstract

The paper aims to identify the perceptual features of weak forms of Russian word in semantically uninformative environment and to compare them to their acoustic features obtained earlier, particularly, to find out how Russian listeners react to a certain natural modification in narrower context. 66 tokens (38 from female speech and 28 from male speech) segmented from 6 Russian middle-aged and older speakers (3 males and 3 females).

The choice was determined by the presence of one natural phonetic modification or more. 2 groups of Russian speakers (university teachers and students), mostly female, listened to the tokens. The obtained listeners' reactions were classified by modification type and statistically processed. As a result, first, it was found that for 100% of male and 69,4% of female tokens containing coalescence, canonical number of syllables was not discriminated. On the whole, the results on vowel and consonant omission are rather similar to coalescence. Second, while perceiving consonant changes resulting from assimilation processes, canonical consonant was identified by listeners only for 24,6–31,4% of the tokens. Third, in tokens containing non-canonical vowel quality modification, canonical vowel was identified only for 25,7% of the tokens. The obtained results demonstrate how drastically the phonetic shapes of Russian grammatical and meaningful words can change in the flow of speech compared to their canonical phonetic shapes.

Keywords: vowel, consonant, natural modification, perception, coalescence, phoneme change, elision

© Streke Ya. V. 2025

For citation: Streke, Ya. V. (2025). *Pertseptivnye kharakteristiki slabykh form slov v obshchestvenno-politicheskom diskurse* [Perceptual features of weak forms of words in sociopolitical discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 127–136. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-127>

1. Введение [Introduction]

Слабые, или неканонические, формы слов – это реальность абсолютно любого языка, которую невозможно отрицать. Известно, что они не ограничены служебными словами. Знаменательные слова тоже могут реализоваться в слабых формах. Появление слабых форм является результатом естественных модификаций в потоке речи, которые затрагивают гласные, согласные и целые слоги [Айлл, Андросова, 2024, 2025]. Составление перечня слабых форм – это актуальная задача, решение которой не только позволит уточнить механизмы речеобразования и речевосприятия (см., напр., опыт составления таких перечней для русской и китайской спонтанной речи в [Бондарко и др., 1988 ; Ли, 2022, с. 259–279]), но и сможет значительно улучшить качество систем синтеза и анализа речи, а также будет полезно для методики преподавания языка как иностранного [Cauldwell, 2002, 2014 ; Androsova, 2015 ; Андросова и др., 2017 ; Levis, Challis, 2024 ; Андросова, 2025].

Ц е л ь настоящего исследования состояла в выявлении особенностей восприятия слабых форм слов в условиях десемантизации и в сопоставлении с результатами ранее проведённого акустического анализа, а именно – в выяснении того, как реагируют на ту или иную естественную модификацию носители языка в условиях ограниченного контекста.

В фонетике имеется опыт проведения подобных экспериментов, например, на материале английского и китайского языков [Караваева, 2018 а, б ; Li, Androsova, 2023].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужило 66 сегментов-стимулов (38 у женщин и 28 у мужчин), вырезанных из речи шести дикторов – трёх женщин и трёх мужчин (трое среднего возраста – 42–55 лет и трое более старшего возраста – 62–67 лет на момент речеобразования), без дефектов речи, с высшим образованием и большим опытом публичных выступлений на общественно-политические темы. Ранее их речь длительностью около пяти часов подверглась акустическому анализу в программе Praat. Речь представляет собой выступления в аналитических передачах в сети Интернет в

2018–2019 гг. к относится к общественно-политическому дискурсу. В ходе акустического анализа были выявлены разнообразные естественные модификации: замены гласных и согласных, одиночные и множественные выпадения [Стреке, 2025]. Именно наличие модификаций (одной или нескольких) послужило основанием для отбора стимула. Модификации в отобранных 66 стимулах представлены в таблице 1 (итого 132 модификации в 66 стимулах). Стяжения даны отдельно, поскольку они являются результатом выпадений и / или замен. Отметим, что стяжения имели место почти во всех стимулах, взятых для эксперимента: в 94,7% стимулов, взятых из речи женщин и в 92,9% стимулов, взятых из речи мужчин; в среднем по обеим группам – 93,8%.

Т а б л и ц а 1. **Модификации в стимулах для перцептивного анализа**
[Table 1. **Modifications in token for perceptual analysis**]

Модификация	Всего	Мужчины	Женщины
качественная редукция гласных	43	21	22
замена одних согласных на другие	22	7	15
выпадение 1 гласного	2	0	2
выпадение 1 согласного	1	0	1
множественные выпадения	64	28	36
Итого	132	56	76
стяжение	62	26	36

Стимулы состояли из разного количества слов: от одного до шести. По количеству слогов представлены односложные стимулы (1), двусложные стимулы (4), стимулы из трёх слогов (15), четырёхсложные стимулы (18), стимулы из пяти слогов (14), стимулы из семи слогов (3), стимулы из восьми слогов (3), стимулы из девяти слогов (1). Среди отобранных стимулов были знаменательные части речи: наречие (1), глагол (8), прилагательное (2), числительное (1) и служебные части речи: частицы (1). Среди отобранных стимулов также встретились комбинации частей речи: числительное + существительное (1), глагол + числительное (1), наречие + глагол (5), глагол + союз (4), союз + местоимение (4), союз + союз (4), глагол + местоимение (12), местоимение + местоимение (4), частица + союз (2), местоимение + числительное (2), союз + наречие (1), местоимение + существительное (1), глагол + существительное (1), наречие + союз (2), местоимение + наречие (2), вводное слово + существительное (1), вводное слово + местоимение (1), глагол + глагол + местоимение (1), числительное + предлог (1).

Аудиторами выступили две группы волонтеров (всего 71 человек). Первую группу составили 15 преподавателей Амурского государственного университета с высшим филологическим образованием в возрасте от 28 до 63 лет (14 женщин, 1 мужчина). Внутри этой группы выделились две подгруппы: преподаватели русского языка и литературы (5), преподаватели английского и немецкого языков (10). Вторую группу аудиторов составили 56 студентов филологического факультета этого же университета в возрасте от 18 до 26 лет (52 женщины и 4 мужчины). Внутри этой группы так же выделились две подгруппы: студенты второго и четвертого курсов направления подготовки «Педагогическое образование» с английским и китайским / немецким языками (31), студенты-филологи четвертого курса (25). Аудиторы перед перцептивным экспериментом были проинформированы, что звуковые стимулы были взяты из речи на русском языке.

Аудиторам были вразброс проиграны 66 стимулов (каждый – трижды). Аудиторов попросили записать то, что они услышали максимально точно, но не пытаясь угадать слово (или слова). Для записи аудиторы использовали буквы русского алфавита или транскрипцию (латиницу).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Стяжение [Coalescence]

В большинстве случаев как в стимулах женщин, так и в стимулах мужчин, аудиторы адекватно восприняли стяжение – услышали меньшее количество слогов¹, чем предполагает канонический слоговой состав, т. е. канонический слоговой состав без широкого контекста не был восстановлен. При этом для 17 из 26 стимулов у мужчин и для 23 из 36 стимулов у женщин, содержащих стяжение, восприятие стяжения варьировало в пределах 90–100%. Для шести стимулов у мужчин и двух стимулов у женщин – 52–66%, для трёх стимулов у мужчин – 70%. Таким образом, каноническое количество слогов в стимулах, содержащих стяжение, не было опознано для 100% стимулов из речи мужчин и для 69,4% стимулов из речи женщин. Приведём примеры.

Восприятие стимулов из речи мужчин. Канонически трёхсложное слово *вообще* из речи мужчины, реализованное одним слогом как [vʌʃʲ], было воспринято 99% аудиторов как содержащее меньше слогов, в основном в соответствии с акустической картиной – как один (72%), реже – как два (27%).

Канонически шестисложное сочетание двух слов *какие-нибудь там* из речи мужчины, реализованное как [kɛ'kʲinʲtʌm] в контексте *какие-нибудь там страны*, было опознано 98% аудиторов как содержащее меньше слогов, чем согласно каноническому составу. В основном (80%) аудиторы услышали три слога, что полностью соответствует акустической картине стимула.

В четырёхсложном слове *представляешь* из речи мужчины, реализованном одним слогом как [psʲʲ], все аудиторы опознали стяжение, подавляющее большинство – в полном соответствии в акустической картине: 1 слог – 96%, 2 слога – 4%.

В некоторых стимулах аудиторы слышали большее количество слогов, чем реализовано и даже больше, чем предполагается каноническим составом. Так, в слове *девянство*, реализованном с тремя слогами – [dʲɛ:stʲ] – в контексте *с девянство третьего*, процент опознания количества слогов меньше целевого составил 65% (2 слога – 28%, 3 слога – 37%), канонический состав восстановили 6% аудиторов, а 29% услышали больше слогов (5 слогов – 27%, 7 слогов – 2%).

Восприятие стимулов из речи женщин. В канонически пятисложном сочетании слов *потому что мы* из речи женщины, реализованном двумя слогами как [ptɛʃʲmʲ] в контексте *убыточный, потому что мы*, никто из аудиторов не восстановил целевое количество слогов, таким образом стяжение было воспринято 100% аудиторов: как 1 слог – 45%, как 2 слога – 52%, как 3 слога – 3%.

В канонически пятисложном стимуле из речи женщины в контексте *и, конечно, совершенно*, реализованном как трёхсложный [ʲkɛʃsʲ], 100% аудиторов констатировали стяжение: 2 слога – 50%, 3 слога – 44%, 4 слога – 6%.

Канонически двусложное слово *сказать*, реализованное в речи женщины как [skʲtʲ] в контексте *так сказать помнить* 96% аудиторов восприняли как содержащее 1 слог – 96%, и лишь 4% восстановили канонический слоговой состав.

¹ Вслед за Л. В. Бондарко, мы придерживаемся концепции открытых и потенциально открытых слогов в русском языке, считая слог минимальной произносительной единицей, где составляющие реализуются по единой моторной программе.

Канонически семисложный стимул, взятый из контекста *это не какие-нибудь там миллиарды* из речи женщины, был реализован как четырёхсложный [kl'kin'tam] всеми аудиторами был воспринят как содержащий меньше слогов: четырёхсложный (в соответствии с акустической картиной) – 47%, трёхсложный – 18% и пятисложный – 35%.

2.2.2. Множественные и единичные выпадения [*Multiple and single omissions*]

Напомним, что общее количество случаев множественных выпадений в 66 стимулах составило 64, из них 28 у мужчин и 36 у женщин. Результаты по восприятию самой частотной модификации – множественным выпадениям – хорошо коррелируют с результатами по восприятию стяжения обеими группами дикторов. Однако корреляция неполная, поскольку не каждое даже множественное выпадение приводило к стяжению. Например, при выпадении одного и даже нескольких согласных, количество слогов оставалось прежним, если не выпадали гласные, от которых прежде всего и зависит количество слогов.

Для 19 из 28 стимулов мужчин и для 29 из 36 стимулов у женщин, содержащих множественные выпадения, восприятие этих выпадений варьировало в пределах 90–100%. Только один стимул из речи мужчин попал в зону неразличения наличия или отсутствия интересующей фонемы (50,7% констатировали выпадения, остальные восстановили выпавшие фонемы). Один стимул из речи женщин попал в зону 52–66% опознания выпадения и ещё один – в зону менее 50%. Приведём несколько примеров.

Выпадения в стимулах мужчин. В стимуле *вообще* [vʌʃ] 62 аудитора из 71 не восстановили выпавшие фонемы, т. е. 87,3% аудиторов распознали множественные выпадения в данном стимуле. В стимуле [ziʃ'sjə] из контекста *это значит сегодня* никто из аудиторов не восстановил выпавшие фонемы, т. е. опознание выпадений составило 100%. В стимуле [ke'kin'tam] из контекста *какие-нибудь там страны* 64 аудитора из 71 распознали множественные выпадения, что составляет 90,1%.

Однако были и случаи, когда опознание множественных выпадений было значительно ниже. Так, в стимуле [ɪ'pɔ'siɛ] из контекста *под корягой. Пусть все там* 53 аудитора из 71 распознали множественные выпадения, что составляет 75%. В стимуле [vi'vʲitʲɛ] из контекста *вокруг вы видите происходит* ещё меньше аудиторов – 36 из 71 – распознали множественные выпадения, что составляет 50,7%.

Выпадения в стимулах женщин. В стимуле [pɪl'ʃɔk] из контекста *но я боюсь, что Коламбия*. 70 аудиторов из 71 распознали множественные выпадения (98,6%). В стимуле [ptɛʃ'mi] из контекста *убыточный, потому что мы* все аудиторы распознали множественные выпадения. Также в стимуле [gɪ'gɫʃɪ] из контексте *там гигантские Венесуэлле* все аудиторы распознали множественные выпадения. Аналогичные результаты получены для стимулов [i'kɛʃsɔ] из контекста *и, конечно, совершенно*, [skɪtʲ] из контекста *так сказать помнить* и ряда других.

Как и для стимулов из речи мужчин, для стимулов из речи женщин были случаи, когда опознание множественных выпадений было значительно ниже. Так, в стимуле [nə'sɫmɪ] из контекста *на самом деле* только 44 аудитора из 71 распознали множественные выпадения, что составляет 62% – более половины аудиторов.

Выпадение только одного согласного или только одного гласного из слова носило единичный характер. В основном выпадения были множественными. Примеры восприятия единичных выпадений сводятся к следующим. В стимуле [ʃɔtədə] из контекста *что-то да получаешь* ещё 47 аудиторов из 71 (66,2%) не восстановили согласную фонему /t/ после /ʃ/. В стимуле [dɔʃ] из контекста *да уж в двадцать* никто из аудиторов не восстановил выпавшую гласную фонему /ʌ/. В стимуле *мошты* [mɔʃtʲɪ] в контексте *ну, можете себе* 45 аудиторов из 71 (63,4%) не восстановили гласную фонему /i/.

2.2.3. Замена одних согласных на другие [Consonant change]

Напомним, что общее количество случаев замены одних согласных на другие в представленных 66 стимулах составляет 22, из них 7 у дикторов-мужчин и 15 у дикторов-женщин. Замены явились результатом процессов оглушения и озвончения, иногда – сонантизации, а также ослабления смычки и ассимиляции по активному действующему органу. В среднем канонический согласный аудиторы восстановили для 31,4% стимулов из речи мужчин, не восстановили – для 68,6% стимулов. В среднем канонический согласный аудиторы восстановили только для 24,6% стимулов из речи женщин, не восстановили – для 75,4% стимулов.

У мужчин самой частотной заменой в семи стимулах была замена аффрикаты /tʃ/ на щелевые [ʃ] или [ʃ̥]. Приведём примеры восприятия данной замены. В стимуле [təm'ʃlɪz] из контекста *в том числе за ООН* 43 из 71 аудитора восприняли /ʃ/ или /ʃ̥/, что составило большинство – 60,5%. Каноническую аффрикату восстановили лишь 17 аудиторов – 24%. Ещё 9 человек услышали шумный смычный. Таким образом, аффрикату или шумный смычный восприняло меньшинство – 39,4%. Схожим образом была воспринята такая же замена в стимуле [zi'ʃɒnɪə] из контекста *значит, сегодня у нас*: 64,8% аудиторов восприняли глухую шипящую или свистящую, 32,4% восстановили каноническую аффрикату, остальные реакции были единичными. Ещё выше был процент опознания шипящей /ʃ/ или /ʃ̥/ в стимуле [ʔ:ʃɪə] из контекста *знает, что я очень люблю*: – 81,7%. Каноническую аффрикату восстановили только 15,5% аудиторов. В стимуле [nə'ʃɛuzɛ] в контексте *начинаю им задавать*, наоборот, большинство аудиторов – 50 из 71 восстановило каноническую аффрикату, что составило 70,4%. Остальные аудиторы услышали разные шумные щелевые: чаще шипящие /ʃ/ или /ʃ̥/ (25,4%), а также единичные свистящие.

У женщин, как и у мужчин, в выбранных стимулах встретилась замена [tʃ] на [ʃ]. В стимуле [pʃɪm'prɒs] в контексте *при чём не просто с активистами*, равное количество аудиторов опознали каноническую аффрикату /tʃ/ и замену на /ʃ/ (по 20, т. е. по 28%). Среди ответов были и другие шумные щелевые: прежде всего мягкая /ʃ̥/, а также /f/, /s/, /h/ и даже звонкий /z/. Таким образом, как глухую шумную щелевую (в основном глухую шипящую), а не аффрикату восприняли 45 человек, т. е. 63,4%. Как аффрикату (в основном) или шумную смычную восприняли 31% аудиторов.

Среди стимулов из речи женщин было несколько случаев оглушения. В стимуле [ˈkʌʃrəlɪʃ] из контекста *в кашу положат* вследствие оглушения произошла замена /z/ на [ʃ]. Оглушение опознали 79% аудиторов (56 человек), при этом больше всего ответов пришлось именно на /ʃ/ (31), немного меньше на глухую аффрикату /tʃ/ и совсем немного на /s/. Каноническую звонкую шипящую /z/ восстановили лишь 12 человек, т. е. 17%. Аналогично в стимуле [ˈmɔʃtɪ] из контекста *ну, можете себе* замену звонкой шипящей на шумную глухую констатировали 44 аудитора (62%), а каноническую /z/ восстановили 25 аудиторов (35%).

В стимуле [ˈmɔʃtɪ'mɪ] из контекста *может по уму как-то* аудиторы почти в равной пропорции восстановили каноническую звонкую шипящую /z/ (36 человек) и восприняли глухую шипящую (33 человека), ещё двое восприняли глухую /s/ и /tʃ/. Здесь мы имеем дело с ситуацией неразличения по признаку «глухость-звонкость».

Таким образом, опознанные замены значительно варьировали. Для некоторых стимулов они оказались близкими к реальным акустическим признакам согласной замены, для других наблюдалась общность по тому или иному признаку замены, когда, например, большинство аудиторов опознало оглушение или озвончение, но аудиторы не достигли консенсуса об активном органе согласного или способе образования. Были и обратные ситуации, когда, например, большинство аудиторов опознало замену аффрикаты на шумную щелевую, но аудиторы не достигли консенсуса относительно глухости-звонкости и / или твёрдости-мягкости.

2.2.4. Восприятие качественно редуцированных неканонических гласных [Perception of non-canonical modifications of vowel quality]

Из предъявленных 28 стимулов из речи дикторов-мужчин 16 стимулов содержали 21 случай качественной редукции гласных (в одном стимуле мог быть не один случай). Из предъявленных 38 стимулов из речи дикторов-женщин в 19 стимулах содержалось 22 случая качественной редукции гласных. Данные по восприятию качественно редуцированных гласных были разделены на три категории. В первую категорию вошли стимулы, в которых было распознано наличие качественной редукции аудиторами в количестве от 0% до 45%, т. е. меньшинством аудиторов. Во вторую категорию были распределены стимулы, где наличие качественной редукции было распознано 45–55% аудиторов. Это так называемая серая зона. Третью категорию составили стимулы, в которых было распознано наличие качественной редукции большинством аудиторов – от 55% до 100%. Распределение по категориям показано в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Распределение восприятия качественной редукции
[Table 2. Categories of perceiving vowel quality modification]

№ пп.	Категория (%)	Мужчины (%)	Женщины (%)	Среднее (%)
1	0–45	28,6	22,7	25,7
2	45–55	19	18	18,5
3	55–100	52,4	59,1	55,8

Как видно из представленных данных, в категории 1 оказалась сравнительно небольшая часть случаев качественной редукции в стимулах и у дикторов-мужчин, и у дикторов-женщин – 28,6% и 22,7% соответственно. В категории 2 оказалось меньше всего случаев редукции в стимулах и у дикторов-мужчин, и у дикторов-женщин – 19,0% и 18,2% соответственно. В категории 3, в соответствии с ожиданиями, оказалось 52,4% и 59,1% случаев редукции в стимулах у дикторов-мужчин и дикторов-женщин соответственно.

Приведём несколько примеров. В стимуле [dʌz'no] из контекста *может даже не очень влиятельный*, взятого из речи мужчины, произошло выпадение двух гласных и стяжение, а оставшийся гласный видоизменился до [o] из-за усиления лабиализации. Целевая или близкая к целевой фонеме /i/-/i/ восстановили лишь 25,5% аудиторов. В стимуле [jʌdʊ'tɛk] из контекста *ещё раз я вам говорю о критическом мышлении*, взятого из речи мужчины, качественная редукция гласных имеет место в трёх случаях: первый нормативно редуцированный гласный [ʌ], второй неканонический после /g/ является результатом стяжения двух реализаций /a/ после выпадения губно-зубной /v/ и качественной редукции до [o] (огубленность – след от выпавшей /v/), третий неканонический также является результатом стяжения /u/ и /a/ с последующей качественной редукцией до [ɛ]. В первом случае довольно значительная часть аудиторов – 42,2% – восстановили целевую гласную фонему /a/, чему способствовало то, что качественная редукция оказалась минимальной. Однако 25,3% восприняли выпадение гласной. Во втором случае лишь 7,1% аудиторов восстановили целевую гласную фонему /a/, при этом 40,8% аудиторов восприняли выпадение гласной фонемы. В третьем случае никто из аудиторов не восстановил целевые /u/ и /a/. В стимуле ['tɪmɪ] из контекста *ну, вот и имеем* из речи женщины в результате качественной редукции вместо целевой /e/ реализовалась /i/. Целевая /e/ была восстановлена меньшинством – 7,1% аудиторов. В стимуле [ptɛʃ'mi] из контекста *убыточный, потому что мы* из речи женщины гласный звук [ɛ] является результатом стяжения двух безударных /a/ и одного ударного /u/ с последующей качествен-

ной редукцией. Никто из аудиторов не восстановил целевые гласные. Однако почти половина аудиторов (46,5%) восприняла выпадение.

3. Заключение [Conclusion]

Результаты перцептивного эксперимента, в ходе которого 71 аудитору было предъявлено для опознания 66 стимулов (28 из речи мужчин и 38 из речи женщин), содержащих, согласно акустической картине, множественные и единичные выпадения, замены одних согласных и гласных на другие, а также стяжения, позволили сделать следующие выводы. Во-первых, при восприятии стяжения каноническое количество слогов не было опознано для 100% стимулов из речи мужчин и для 69,4% стимулов из речи женщин. При этом более половины стимулов у каждой группы попали в диапазон 90–100% опознания меньшего количества слогов. Результаты по восприятию стимулов с выпадениями в целом коррелируют с результатами по восприятию стяжения. Во-вторых, при восприятии замен согласных, образовавшихся вследствие ассимилятивных процессов, канонический согласный был восстановлен аудиторами лишь для 24,6–31,4% стимулов. Опознанные согласные замены значительно варьировали. Для некоторых стимулов они были близки к реальным акустическим признакам согласной замены, для других наблюдалась общность по какому-либо признаку замены. В-третьих, более чем в половине стимулов, содержащих неканоническую качественную редукцию гласных (в среднем 55,8%), наличие редукции было распознано большинством аудиторов (от 55% до 100% аудиторов). В среднем в 18,5% стимулов аудиторы опознавали канонические и качественно редуцированные неканонические гласные со схожей частотностью. Это означает, что канонический гласный не был опознан в 74,3% стимулов, содержащих качественную редукцию, не предусмотренную правилами классической фонологии. В среднем лишь в 25,7% стимулов с неканонической качественной редукцией канонический гласный был восстановлен большинством аудиторов.

Исследование в очередной раз показало, насколько значительно фонетические формы служебных и знаменательных русских слов могут меняться в потоке речи по сравнению с их каноническим слоговым и фонемным составом. Эти изменения естественны и являются неотъемлемой частью речепроизводства при обратной контролирующей связи с речевосприятием. То, насколько далеко эти модификации могут заходить, определяется тем, будут или не будут собеседниками опознаваться слова, содержащие эти модификации, в широком контексте и будет или не будет такая речь восприниматься как, с одной стороны, естественная, а с другой – нормативная. Пока ответом на этот вопрос будет «да», фонетические формы слов будут значительно варьировать. Проведённый перцептивный эксперимент продемонстрировал, что варьирование очень широко и что выпавшие и видоизменённые фонемы в условиях десемантизации, т. е. в нашем случае вне широкого контекста, восприятием зачастую не восстанавливаются. Это в свою очередь показывает, насколько велика роль контекста и априорных знаний как опоры при восприятии устной речи с постоянно варьирующими фонетическими характеристиками.

Библиографический список

- Айлл, Андросова, 2024 – Айлл Н.А., Андросова С. В. Варьирование монофтонгов в спонтанной речи (на материале гильзайского диалекта пушту) // Вокализм звучащей речи народов России и зарубежья / отв. ред. О. Н. Морозова. Благовещенск : АмГУ, 2024. С. 115–125.
- Айлл, Андросова, 2025 – Айлл Н.А., Андросова С. В. Реализация псевдодифтонгов в языке пушту: на материале гильзайского диалекта // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2025. № 1 (124). С. 91–100.

- Андросова, 2025 а – Андросова С. В. И вновь о важных фонетических явлениях в английском языке: к 20-летию аудиопрактикума спонтанной речи // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе: материалы XIII Междунар. науч.-метод. видеоконф. 17 января 2025 г. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2025. С. 19–25.
- Андросова, 2025 б – Андросова С. В. Лингвокреативность человека пишущего и говорящего (обзор вклада зарубежных и отечественных ученых) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 238–251. <https://doi.org/10.17223/18137083/90/18>
- Андросова и др., 2017 – Изучаем спонтанные английские тексты : учеб. пособие / С. В. Андросова, Е. В. Баррет, С. В. Деркач, О. Н. Морозова, М. А. Пирогова, Г. Р. Шепелина. 3-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2017. Ч. 1 186 с.; Ч 2. 112 с.
- Бондарко и др., 1974 – Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64–70.
- Бондарко и др., 1988 – Фонетика спонтанной речи / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер [и др.]. Л. : Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1988. 245 с.
- Караваева, 2018 а – Караваева В. Г. Акустические и перцептивные характеристики гласных /у/ и /о/ (на материале британского новостного аналитического дискурса) // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 427. С. 39–46. <https://doi.org/10.17223/15617793/427/5>
- Караваева, 2018 б – Караваева В. Г. Перцептивные характеристики интервокальных согласных реализаций на месте орфографических -t-, -tt- (на материале британского новостного аналитического дискурса) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 424–437. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.308>
- Ли, 2022 – Ли И. Слабые формы слогов в спонтанной речи женщин (экспериментально-фонетическое исследование на материале китайского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Благовещенск, 2022. 280 с.
- Стреке, Андросова, 2025 – Стреке Я. В., Андросова С. В. Слабые формы слов в общественно-политическом дискурсе: гендерный аспект // Казанская наука. 2025. № 7. С. 530–534.
- Androsova, 2015 – Androsova S. V. Challenges of teaching speech production and speech perception for Russian learners of English: Phonetic issues that really matter // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 3. С. 5–15.
- Cauldwell, 2002 – Cauldwell R. Phonology for listening: Relishing the messy // *Speech in action*. 2002. https://www.researchgate.net/publication/228779527_Phonology_for_listening_relishing_the_messy
- Cauldwell, 2014 – Cauldwell R. Phonology for listening: Teaching the stream of speech. e-book *Speech in Action*, 2014.
- Levis, Challis, 2024 – Levis J. M., Challis K. Connected Speech // *Teaching Pronunciation with Confidence. A Resource for ESL/EFL Teachers and Learners* / A. Guskaroska, Z. Zawadzki, J. M. Levis, K. Challis and M. Prikazchikov (Eds.). Iowa University Digital Press, 2024. <https://iastate.pressbooks.pub/teachingpronunciation/chapter/chapter-10-connected-speech/>
- Li, Androsova, 2023 – Li Y., Androsova S. V. A perceptual study of weak forms in Chinese: the case of phonetic homophony // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2023. Vol. 9, Iss. 4. P. 47–62. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-3>

References

- Aail, N. A., & Androsova, S. V. (2024). Var'irovanie monoftongov v spontannoy rechi (na materiale gil'zayskogo dialekta pushtu) [Vowel monophthong variation patterns in spontaneous speech] (Based on Ghilji dialect of Pashto). In O. N. Morozova (Ed.), *Vokalizm zvuchashchey rechi narodov Rossii i zarubezh'ya [Vowels in oral speech of the peoples of Russia and abroad]* (pp. 115–125). Blagoveshchensk : Amur State University Press. (In Russ.).
- Aail, N. A., & Androsova, S. V. (2025). Realizatsiya psevdodiftongov v yazyke pushtu: na materiale gil'zayskogo dialekta [Realization patterns of pseudo-diphthongs in Pashto: Based on Ghilji dialect]. *Vestnik Cherepovetskogo gos. un-ta [Cherepovets State University Bulletin]*, 1 (124), 91–100. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-1-124-20/> (In Russ.).

- Androsova, S. V. (2025 a). I vnov' o vazhnykh foneticheskikh yavleniyakh v angliyskom yazyke: k 20-letiyu audiopraktikuma spontannoy rechi [Crucial phenomena of English phonetics revisited: To the 20th anniversary of the coursebook on spontaneous speech], *Obuchenie inostrannomu yazyku studentov vysshikh i srednikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy na sovremennom etape [Teaching foreign languages to students at modern universities and secondary schools]: XIII International conf. proc., January 17, 2025* (pp. 19–25). Blagoveshchensk : Amur State University Press. (In Russ.).
- Androsova, S. V. (2025 b). Lingvokreativnost' cheloveka pishushchego i govoryashchego (obzor vklada zarubezhnykh i otechestvennykh uchenykh) [Linguistic creativity: From writing to speaking (Contributions of Russian and foreign scholars)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 1, 238–251. <https://doi.org/10.17223/18137083/90/18>. (In Russ.).
- Androsova, S. V., Barrett, E. V., Derkach, S. V., Morozova, O. N., Pirogova, M. A. and Shepelina, G. R. (2017). *Izuchaem spontannyye angliyskie teksty [Studying spontaneous English texts]*. Parts 1–2, 3d edn., Blagoveshchensk : Amur State University Press. (In Eng. and Russ.).
- Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A., Gordina, M. V., Zinder, L. R., & Kasevich, V. B. (1974). Stili proiznosheniya i tipy proizneseniya [Pronunciation styles and types]. *Voprosy yazykoznaneya [Topics in the Study of Language]*, 2, 64–70. (In Russ.).
- Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A., Zinder, L. R. et al. (1988). *Fonetika spontannoy rechi [Phonetics of spontaneous speech]*. Leningrad : Leningrad State University Press. (In Russ.).
- Karavaeva, V. G. (2018 a). Akusticheskie i pertseptivnye kharakteristiki glasnykh /u/ i /ʊ/ (na materiale britanskogo novostnogo analiticheskogo diskursa) [Acoustic and perceptual characteristics of vowels /u/ and /ʊ/ (In BBC analytical news programs)]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta [Tomsk State University Journal]*, 427, 39–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/427/5>
- Karavaeva, V. G. (2018 b). Pertseptivnye kharakteristiki intervokal'nykh soglasnykh realizatsiy na meste orfograficheskikh -t-, -tt- (na materiale britanskogo novostnogo analiticheskogo diskursa) [Perceptual features of intervocalic consonant realizations used for -t-, -tt- (Based on British news analytic discourse)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 15 (3), 424–437. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.308>
- Li, Y. (2022). *Slyabye formy slogov v spontannoy rechi zhenshchin (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale kitayskogo yazyka) [Weak syllable forms in female spontaneous speech (An experimental-phonetic study based on Chinese)]*. PhD in Philological sci. diss. Blagoveshchensk, Amur State University. (In Russ.).
- Streke, Ya. V., & Androsova, S. V. (2025). Slabye formy slov v obshchestvenno-politicheskom diskurse: gendernyy aspekt [Weak forms of words in socio-political discourse (Based on female and male speech)]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*, 7, 530–534. (In Russ.).
- Androsova, S. V. (2015). Challenges of teaching speech production and speech perception for Russian learners of English: Phonetic issues that really matter. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 1 (3), 5–15.
- Cauldwell, R. (2002). Phonology for listening: Relishing the messy. *Speech in action*. https://www.researchgate.net/publication/228779527_Phonology_for_listening_relishing_the_messy
- Cauldwell, R. (2014). *Phonology for listening: Teaching the stream of speech*. e-book Speech in Action.
- Levis, J. M. and Challis, K. (2024). Connected Speech. In A. Guskaroska, Z. Zawadzki, J. M. Levis, K. Challis and M. Prikazchikov (Eds.), *Teaching Pronunciation with Confidence. A Resource for ESL/EFL Teachers and Learners*. Iowa University Digital Press. <https://iastate.pressbooks.pub/teachingpronunciation/chapter/chapter-10-connected-speech/>
- Li, Y., & Androsova, S. V. (2023). A perceptual study of weak forms in Chinese: the case of phonetic homophony. Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics*, 9 (4), 47–62. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-3>